

УДК: 719:72; 7.025.21; 7.025.4

ББК: 85.118.3

A43

DOI: 10.18688/aa177-2-21

А. Ю. Казарян

Архитектурный объект на археологическом городище. Изменение образа в процессе реставрации

Деятельность по охране памятников архитектуры всегда развивалась в русле между двумя тенденциями: естественным и при этом творческим устремлением сохранить пришедшую в ветхость постройку путем ее восстановления, с одной стороны, и желанием обуздать этот процесс рамками научных предписаний в соответствии с международным законодательством в этой сфере, с другой. Эта деятельность сопровождалась изменениями облика, визуальных характеристик архитектурного объекта, и поэтому категория образа произведения осознанно или бессознательно должна была волновать тех, кто оказывался сопричастным к изменению судьбы памятника. Анализ модификаций образа в ходе нашего вмешательства в структуру произведения искусства крайне редко предпринимается, но он представляется исключительно важным, непосредственно связанным с проблематикой охраны памятников.

В статье предпринята попытка проследить изменение образа памятников архитектуры в среде городищ античного и средневекового времени в ходе консервации и восстановления, подтверждается наличие противоречий между законодательными нормами и реставрационной практикой. Исследование основывается на обращении к ряду известных примеров, но особое место уделяется анализу нынешнего состояния городища Ани (Турция) — пустынной территории веками ранее покинутой средневековой столицы Армении, являвшейся в своем былом величии одним из самых крупных и роскошных городов Востока (Илл. 39–40). Уже само обращение к памятникам Ани, исследования которых со времени окончания Первой мировой войны практически не проводились¹ и сейчас, несмотря на очевидные сложности политического характера, обрели новый этап и носят уже международный характер, представляется крайне актуальным. Включение в 2016 г. городища Ани в список Всемирного наследия ЮНЕСКО — показатель возросшего внимания к этому городищу и к наследию христианских народов на территории Восточной Турции.

В исследованиях по охране памятников фигурируют такие цели, как реставрация — полное или частичное восстановление памятника (желательно на основе имеющейся

¹ Наряду с многочисленными статьями и альбомными изданиями существует лишь одна монография об архитектуре, которая посвящена не столько памятникам самого Ани, а интересному явлению анийской архитектурной школы [9].

информации об утраченных формах), консервация руины (желательно без предварительного разрушения ее неустойчивых фрагментов), музеефикация объекта, включающая приведение его к безопасному для осмотра состоянию. Все они, по сути своей, являются методами осуществления отмеченной благой задачи сохранения идентичности форм объекта. Несмотря на существование множества исследований в области методики сохранения памятников архитектуры и консервации археологических мест, создается ощущение, что реальное состояние дел не улучшается, а разброс мнений в среде специалистов на протяжении десятилетий сохраняется.

Обращение к средневековой практике восстановления руинированных зданий раскрывает ее свободный от условностей характер. Эта практика сводилась к ремонту, в результате которого заменялись или восполнялись участки стен, сводов, карнизов и кровель. Существовала ценность руины как реликвии — исторической или религиозной, важность которой определялась также памятью о связанных с ней исторических событиях, присутствием в ее структуре мощей и погребений. Древняя постройка являлась памятником в универсальном философском понимании, но не в узком историко-археологическом или архитектурно-искусствоведческом. Поэтому и ее преобразование в ходе ремонта или перестройки не должно было вызывать противодействия или сожаления. Строительство нового храма или дворца на месте старого, зачастую в соответствии с периметром древних стен, устанавливало традиционную связь между эпохами и поколениями, аналогично тому, как это обеспечивалось применением спойл — блоков древних строений, включенных в стены позднеантичного или средневекового сооружения. Задача сохранения художественного, архитектурного образа при этом не ставилась.

Пришедшее на смену Средневековью и, казалось бы, более прогрессивное Новое время на первых порах не вносило изменений в существовавшую практику. Достаточно упомянуть восстановление в 1456–1467 гг. церкви Сан-Бартоломео в Бадье Фьезолане у Флоренции, оставившее от романского собора XII в. только центральный фрагмент западного фасада [13, р. 95, 98, 101], — но все же оставившее, не в пример другим ренессансным постройкам Италии. Примечателен для сравнения со средневековой практикой и пример возведения виллы Медичи в Риме (1576 г., арх. Бартоломео Амманнати; с начала XIX в. — Французская академия искусств), в стены главного здания и паркового павильона которой в большом количестве включены собранные с разных концов города античные фрагменты, — это своеобразная, обновленная традиция применения спойл.

Научный интерес европейцев к древним памятникам как артефактам истории и, что еще важнее, — истории искусства, возрос к середине XIX в. Уже тогда встал вопрос о методах обращения с древней постройкой, представляющей очевидную архитектурную ценность. Это было время деятельности во Франции архитектора Э. Виолле-ле-Дюка — сторонника творческого метода воссоздания сооружений, — метода, который, похоже, в наши дни на постсоветском пространстве переживает свое возрождение [1; 2]. Работы этого мастера отличаются стремлением к полному воссозданию объемов, частично по археологическим данным, а зачастую по воображению. Этот метод подвергался критике современников и затем научной мысли XX в., на основе которой формировались принципы в сфере охраны памятников. Венецианская хартия 1964 г. по вопросам со-

хранения и реставрации памятников и достопримечательных мест, ставшая вершиной сводов законодательных актов в этой области, довольно развернуто регламентировала деятельность на памятнике. Сейчас, с большой временной дистанции от принятых международных хартий, стало очевидным фактическое пренебрежение их установками, что особо отчетливо проявляется в образцах реставрации последних десятилетий. Противоречия реставрационной практики и нерешенность теоретических и методологических вопросов очевидны [7, с. 594–605, 644–645; 8, с. 69, 77].

Сама идея превращения обветшалого или даже руинированного здания в экспонат «музея под открытым небом» переживает глубокий кризис, и это особо ощущается на постсоветском пространстве. Повышение интереса к древностям, осознание непреходящей ценности произведения архитектуры совпало с социальным запросом на новые храмы и монастыри, а также на восстановление обезображенных или уничтоженных старых церквей. Этот заказ охватил все слои общества и оказался настолько жизнеспособным, что проник в качестве установки, убеждения также в сообщество архитекторов-реставраторов и научную среду, связанную с охраной памятников. По ряду объективных причин отношение к памятнику архитектуры не поднялось до уровня существующего нашего отношения к произведению изобразительного искусства. Во-первых, потому что здание даже после самого добротного укрепления, в отличие от этих произведений, продолжает подвергаться воздействию атмосферных и других природных явлений. Поэтому процесс его ветшания полностью остановить невозможно. Во-вторых, потому что как из экономических, так и из эксплуатационных соображений желательно, чтобы памятник архитектуры сохранил или обрел новое практическое назначение, функцию.

Наше стремление представить древнее здание в полном объеме не знает границ, особенно если это бывшая церковь (Илл. 41–42). Мыслимо ли такое же отношение к скульптурному фрагменту? Конечно же, нет; известны только случаи создания условных продолжений форм без имитации предполагаемых древних. Совершенно очевидным является то, что воссоздание здания на основе руины влечет за собой уничтожение тех ее фрагментов, которые не в состоянии вновь выполнять возложенную на них изначально конструктивную задачу: обветшалый столб заменяется новым, в стенах меняют отдельные блоки и целые участки кладки, и так далее. Однако плохо и то, что объекту сообщаются новые черты, и он приобретает новый образ — не тот, который имели развалины, и не тот, который он имел в древности, даже если учтены знания об архитектуре данной эпохи и умелым реставратором «рассчитаны» пропорции. Каждый архитектор-реставратор осознаёт, что и в древности творчество в значительной мере носило индивидуальный характер, и памятники чаще всего не укладываются в искусственные рамки формализованной эволюции, сочиняемой некоторыми историками архитектуры. Поэтому воссоздание по аналогии формам и пропорциям других одновременных построек, учитывая хронологическое место памятника, — лишь обман реставраторами интеллектуально неподготовленного сообщества, театрализованная игра с перевоплощением реставратора в средневекового творца.

Альтернативой служит развивавшаяся в последние десятилетия консервация памятника, с задачами сохранения идентичности форм, обеспечения стабильности существу-

ющих частей объекта или воссоздания его отдельных утраченных форм в случае догадки их изначального вида. Однако и это направление крайне редко обращает внимание на необходимость сохранения художественного образа построек. Этот, наиболее научный метод является и наиболее технократическим, предполагая механистическое отношение к произведению архитектуры.

Организм древнего памятника несет на себе следы перестроек, насильственных и естественных разрушений. На протяжении веков его стены выветривались и вращались в культурный слой. Восхищаясь величиим и прелестью такого объекта, современный человек одновременно испытывает боль и полон стремления помочь памятнику, спасти от исчезновения это свидетельство былой цивилизации. Эмоциональная сторона как раз и пробуждала интерес к памятнику; этому интересу сродни настрой эпохи романтизма с его преклонением перед руинами [11]. И естественно, что в первые десятилетия эпохи фотографии архитектурная руина оказалась в центре внимания [14, p. 105–106, fig. 81–82]; она и сейчас не перестает волновать романтически настроенных личностей. Казалось бы, именно в среде сторонников консервации памятников научный прагматизм должен смыкаться с эмоциональной основой, от чего мы вправе ожидать положительного результата.

Каким же оказывается этот результат? С сожалением следует ответить, что, как правило, он не удовлетворяет наших ожиданий, потому что минимальное вмешательство в тело памятника в большинстве случаев невозможно, так как руина останется в неустойчивом состоянии и может погибнуть при очередном воздействии стихии. Стабилизация сохранившихся частей часто требует их укрепления введением кладки, аналогичной либо контрастной древней, или применением системы подпорок. Достаточно грубое, хирургическое вмешательство приводит к удалению поврежденных тканей, их частичной замене, а также к «протезированию». Последнее явление противопоставляется созданию новодельных форм, но фактически имеет аналогичное им воздействие на образ постройки.

Если даже она становится крепче, неизбежно приобретение нового художественного образа за счет утраты прежнего. Мы приходим к выводу, согласно которому остановить течение жизни архитектурного объекта на практике невозможно. Можно только придать ему более устойчивое состояние в обновленном образе. Причем в некоторых случаях, когда осуществляется благоустройство территории, играет роль и другой негативный фактор: реализация работ отрывает объект от городища, от среды существования.

Не секрет, что классическая консервация позволительна для сохранения остатков каменного здания в теплых и относительно сухих климатических зонах. Хорошими примерами служат античные сооружения Средиземноморья (Илл. 43–44). Проблематично сохранять под открытым небом сооружения из сырцового кирпича или те каменные и кирпичные конструкции, в которых в качестве связующего вещества применен известково-песчаный раствор, а также руины с остатками напольных мозаик и настенных росписей. В таких случаях устоявшимся приемом сторонников консервации служит перекрытие пространства памятника навесом или полное закрытие его территории специальным сооружением-колпаком, как это сделано над знаменитым Алтарем мира (Ара

Pacis Augustae) в Риме [10, с. 542–557] по проекту американского архитектора Ричарда Мейера (2006 г.). Некоторые примеры подобных решений рассмотрены в отдельной статье [5].

Но обратимся к тем образцам, которые продолжают свою жизнь на оригинальном месте и притом в окружении исторического, почти не тронутого нашей деятельностью ландшафта. Такой характер в наши дни носят немногие археологические городища. Одно из них — Ани. Крупнейший средневековый христианский город к востоку от Константинополя, Ани, с величественными стенами, цитаделью, скрытой культурным слоем застройкой, большим собором и руинами многочисленных храмов привлек европейцев путешественников Нового времени. Первое знакомство мира с Ани, фактически забытым после оставления его горожанами в XIV–XV вв., произошло после посещения городища англичанином Робертом Керр-Портером в 1817 г., и очень скоро в связи с военными действиями на Кавказе вслед за европейцами в Ани устремляются русские путешественники. С конца XIX в. памятники Ани стали привлекать к себе фотографов и художников, а с 1892 по 1917 г. тут под руководством Н. Я. Марра развернула свою деятельность одна из самых известных и, возможно, наиболее грамотно проведенных археологических экспедиций Императорской Археологической комиссии [4; 5].

Уже в те времена наряду с величественным кафедральным собором внимание привлекал ряд церквей с выразительной архитектурой и плачевным состоянием, среди которых отмечалась круглая, внутри восьмигранная церковь Пркич (Спасителя), возведенная в 1035 г. князем Аплгарипом Пахлавуни, влиятельным в Анийском царстве Багратидов. Созданная по иконографическому образцу восьмигранной постройки, известному в Армении с VII в. [3, с. 26–32], церковь гораздо в большей мере, чем ее прототипы, походила на античную ротонду, в чем отразилась антикизирующая направленность анийской школы зодчества. Проведенные экспедицией Марра в 1912 г. реставрационные работы стабилизировали неустойчивое состояние постройки [12, § 27–28].

После длительного, векового перерыва, вызванного фактическим отсутствием работ на церквях Ани, оставшегося в результате Первой мировой войны на территории нынешней Турции, некоторые из этих памятников начали сейчас укрепляться турецкими реставраторами. Длительное небрежение ими послужило ослаблению структуры построек. В результате удара молнии в 1957 г. церковь Спасителя буквально раскололась, и вся ее восточная половина обрушилась (Илл. 45).

Работы турецких коллег 2012 г. заключались в расчистке образовавшегося по этой причине завала. Было выявлено и аккуратно перенесено на свободное место около 650 фрагментов храма. Это было начало многолетней работы по консервации сохранившейся половины здания под руководством И. Я. Ёзкая с участием экспертов Всемирного фонда памятников (WMF) и моим, в качестве консультанта [12]. Именно проявленный здесь подход к сохранению руины представлялся нам наиболее подходящим, а сам проект оказался противостоящим повсеместно проводимым восстановительным работам. Ход работ содержал возведение металлических лесов внутри храма, изначально временных, предназначенных для работы, но затем, с учетом опасности обрушения сохранившихся и нависающих рядов половины купола, взявших на себя роль подпорки этих рядов. С двух сторон полукруга стен их участки, представленные как бы в разрезе,

были подперты деревянными конструкциями, сколоченными из длинных бревен. Следующий этап, начавшийся в этом году, предполагает восполнение кладки на западной половине церкви.

Однако вопросов по мере продвижения проекта не уменьшается. Сама руина и ее сложности, с которыми пришлось столкнуться на месте, с каждым годом усиливали раздумья по поводу верности избранного и теоретически, казалось бы, безупречного метода. Прежде всего, рождается вопрос: насколько этот метод допустим в случае, когда сохранение устойчивости фрагмента постройки диктует введение мощных и разнообразного вида подпорок (Илл. 46)? Не менее актуален в данном случае и вопрос о том, как обойтись со столь большим количеством выпавших и затем собранных каменных блоков восточной половины церкви, при том, что существуют ее фотографии как снаружи, так и изнутри? Третий вопрос связан с дальнейшей судьбой росписей, которые уже, в условиях открытого противостояния атмосферным явлениям, потеряли большую часть своего красочного слоя. Достаточно сравнить их с фрагментами росписи, которые находились последние десятилетия в завале, чтобы убедиться в степени утрат на открытых участках.

Полное восстановление постройки позволило бы использовать не менее половины упавших фрагментов, стабилизировать сохранившуюся часть росписи обеспечением изначальной целостной композиции ротонды, избавиться от леса подпорок, деревянных и металлических, буквально заслонивших экседры и купольную главу, и, наконец, выставить чудом сохранившуюся роспись на обозрение в воссозданном интерьере, обеспечив тем самым ее дальнейшую сохранность. Конечно, постройка приобретет еще один образ, отчасти новый образ, если учитывать непременно появление участков новой кладки. Но она окажется гораздо ближе оригинальному, первоначальному облику, чем создаваемый нами ныне образ руины, активно укрепленной новыми конструкциями, уже сейчас отличающийся своим образом от того, которым можно было любоваться всего лишь пять лет назад.

Некоторые примеры частичного восстановления построек в античных городах, таких как Эфес, Пальмира, Гераса, склоняют к тому, что когда известны древние формы, когда имеется достаточное количество отдельных фрагментов, частичное, а в отдельных случаях и полное восстановление представляется неизбежным. И это вовсе не противоречит международным правилам в области охраны памятников, в которых метод анастилоза — один из важнейших. При деликатном применении этого метода впечатление некоторой руинированности постройка все же сохраняет.

Наконец, о ландшафте, частью которого является городище или музей под открытым небом. Он сложился при развитии города, но в большей степени позже, под воздействием случайных факторов. Насколько ценным является этот ландшафт? Только после решения этого вопроса можно приступить к его облагораживанию, использованию для нужд музея. И отношение к каждому из памятников на городище должно быть увязано с этим решением. Другими словами, должна быть выработана общая концепция по преобразованию территории. Сейчас настало время подумать, стоит ли превращать это городище, вписанное в удивительный по красоте природный ландшафт, в стандартный музей, которых так много было создано в XX в., главным образом, в угоду развития ту-

ризма. Размышления и интенсивное обсуждение концепций в среде профессионалов — одна из возможностей приближения к правильным решениям.

Очевидно, что реставрация нуждается в философски осмысленной концепции, причем не по отношению к отдельному зданию, а в контексте всего Ани. Необходима стратегия охраны этого городища, содержащего в разной степени сохранности десятки руин и фрагментов. Стратегия не может исходить исключительно из международных юридических регламентаций. Необходимы специализированные работы и конференции по выработке стратегии. При ее отсутствии существует опасность разрушения целостного образа городища. Стоит добавить, что при общей концепции отношения к Ани подход к разным фрагментам этого драгоценного кристалла должен быть дифференцированным.

Литература

1. Казарян А. Ю. Состояние памятников армянской архитектуры и вопросы их охраны // Вестник «Зодчий. 21 век». — 2006. — № 1 (21). — С. 76–81.
2. Казарян А. Ю. Актуальные проблемы охраны архитектурного наследия на постсоветском пространстве: Анализ негативных явлений и поиск решений // Protection of Armenian Cultural Heritage in the Republic of Armenia and Abroad Round Table. — Yerevan; Oshakan: ICOMOS/Armenia, 2008 (2009). — С. 195–204.
3. Казарян А. Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: Формирование и развитие традиции. — Т. III. — М.: Locus Standi, 2012. — 692 с.
4. Казарян А. Ю. Анийский археологический институт: Диапазон деятельности и основы достижения успеха // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — Вып. 7. — М.; СПб., 2016. — С. 9–27.
5. Казарян А. Ю. Реставрация памятников и современная архитектура: Пересечения решений и смыслов // Современная архитектура мира. — 2016. — № 7 — С. 114–128.
6. Мэпп Н. Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. — М.; Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1934. — 133 с.
7. Памятники архитектуры в Советском Союзе: Очерки истории архитектурной реставрации / Под общ. ред. А. С. Щенкова. — М.: Памятники исторической мысли, 2004. — 696 с.
8. Рыцарев К. В., Щенков А. С. Европейская реставрационная мысль в 1940–1980-е годы: Пособие для изучения теории архитектурной реставрации. — М.: Рохос, 2003. — 96 с.
9. Simeo P. L'architettura della scuola regionale di Ani nell'Armenia medievale. — Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 1977. — 82 p., LXIV tavv.
10. Holliday P. J. Time, History, and Ritual on the Ara Pacis Augustae // AB. — December 1990. — Vol. 72. — No. 4. — P. 542–557.
11. Janowitz A. England's Ruins. Poetic Purpose and the National Landscape. — Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1990. — 211 p.
12. Kazaryan A., Özkaya İ. Y., Pontioğlu A. The Church of Surb Prkich in Ani (1035). Part 1: History and Historiography — Architectural Plan — Excavations of 2012 and Starting of Conservation // RIHA Journal 0144, 15 November 2016. URL: <http://www.riha-journal.org/articles/2016/0143-kazaryan-ozkaya-pontio-glu> (дата обращения: 15.07.2017).
13. Moretti I., Stopani R. Architettura Romanica religiosa nel contado Fiorentino. — Firenze: Salimbeni, 1974. — 229 с.
14. Ousterhout R. G. John Henry Haynes. A Photographer and Archaeologist in the Ottoman Empire 1881–1900. — s.l.: Cornucopia Books, 2011. — 148 p.

Название статьи. Архитектурный объект на археологическом городище. Изменение образа в процессе реставрации.

Сведения об авторе. Казарян Армен Юрьевич — доктор искусствоведения, член-корр. РААСН, почетный член РАХ, иностранный член НАН Армении, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания, Козицкий пер., д. 5, Москва, Российская Федерация, 125009;

заместитель директора по научной работе филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ, ул. Душинская, д. 9, Москва, Российская Федерация, 111024. armenkazaryan@yahoo.com

Аннотация. В статье обсуждается вопрос изменения образа памятников античной и средневековой архитектуры в среде городищ в ходе консервации и восстановления. Особое место уделяется анализу нынешнего состояния городища Ани (Турция) — веками ранее покинутой средневековой столицы Армении. Делается вывод о том, что не только реставрация, но иногда и консервация памятника приводят к изменению его образа. Очевидно, что такие работы над каждой руиной нуждаются в философски осмысленной концепции в контексте всего городища или ансамбля. Необходима стратегия охраны Ани, содержащего десятки руин и фрагментов. Стратегия не может исходить исключительно из международных юридических регламентаций.

Ключевые слова: памятник архитектуры; руина; изменение образа; Ани; концепция сохранения памятника; консервация.

Title. Architectural Object on an Archaeological Site: The Transformation of an Image during the Restoration Process.

Author. Kazaryan, Armen Yurievich — full doctor, member of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Russian Academy of Fine Arts, National Academy of Sciences of Armenia, Vice-Director of the State Institute for Art Studies, Kozitskii per., 5, 125009 Moscow, Russian Federation; Vice-Director of the Research Institute of the Theory and History of Architecture and Town Planning (branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction of Russian Federation), Dushinskaia Ul., 9, 111024 Moscow, Russian Federation. armenkazaryan@yahoo.com

Abstract. The article analyzes the changes of an image of the monuments of ancient and medieval architecture during conservation or restoration works. Special attention has been paid to the recent condition of the town of Ani (Turkey), the medieval Armenian capital abandoned ages ago. It has been concluded that not only the restoration but sometimes even the conservation of a monument could change its image. Obviously, each case of restoration works needs a philosophical conception in terms of whole town or ensemble. We need a strategy for the protection of Ani, where dozens of ruins and fragments of constructions still remain. This strategy cannot proceed from international legal documents only.

Keywords: monument; architecture; ruin; image; Ani; preservation; conservation.

References

Cuneo P. *L'architettura della scuola regionale di Ani nell'Armenia medievale*. Roma, Accademia Nazionale dei Lincei Publ., 1977. 82 p. + LXIV tav.

Holliday P. J. Time, History, and Ritual on the Ara Pacis Augustae. *The Art Bulletin*, December 1990, vol. 72, no. 4, pp. 542–557.

Janowitz A. *England's Ruins. Poetic Purpose and the National Landscape*. Cambridge, Massachusetts, Basil Blackwell Publ., 1990. 211 p.

Kazaryan A. Actual Problems of the Preservation of Architectural Heritage in Post-Soviet Space. The Analysis of Adverse Evidences and the Choice of Solutions. *Protection of Armenian Cultural Heritage in the Republic of Armenia and Abroad Round Table*. Yerevan; Oshakan, ICOMOS/Armenia Publ., 2008 (2009), pp. 195–204 (in Russian).

Kazaryan A.; Özkaya İ. Y.; Pontioğlu A. The Church of Surb Prkich in Ani (1035). Part 1. History and Historiography — Architectural Plan — Excavations of 2012 and Starting of Conservation. *RIHA Journal* 0144, 15 November 2016. Available at: <http://www.riha-journal.org/articles/2016/0144-kazaryan-ozkaya-pontioğlu> (accessed 15 July 2017).

Kazaryan A. Yu. Ani Archaeological Institute. Range of Activity and What Achieving Headway is Based on. *Voprosy vseobschei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, 2016, no. 7, pp. 9–27 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. Condition of the Monuments of Armenian Architecture and the Questions of Their Preservation. *Vestnik "Zodchii. 21 vek" (Herald "Zodchii. 21st Century")*, 2006, no. 1 (21), pp. 76–81 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. Restoration of the Monuments and the Contemporary Architecture. The Crossings of Solutions and Meanings. *Sovremennaiia arkhitektura mira (Contemporary Architecture of the World)*, 2016, no. 7, pp. 114–128 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. *Tserkovnaia arkhitektura stran Zakavkaz'ia VII veka: Formirovanie i razvitie traditsii* (Church Architecture of the 7th Century in Transcaucasian Countries. Formation and Development of the Tradition), vol. 3. Moscow, Locus Standi Publ., 2012 (in Russian).

Marr N. *Ani. Knizhnaia istoriia goroda i raskopki na meste gorodischa* (Ani. Recorded History of the City and the Excavations on the Place of the Ancient Settlement). Moscow; Leningrad, State Social-Economic Publ., 1934. 133 p. (in Russian).

Moretti I.; Stopani R. *Architettura Romanica religiosa nel contado Fiorentino*. Firenze, Salimbeni Publ., 1974. 229 p. (in Italian).

Ousterhout R. G. *John Henry Haynes. A Photographer and Archaeologist in the Ottoman Empire 1881–1900*. Cornucopia Books Publ., 2011. 148 p.

Rytsarev K. V.; Shchenkov A. S. *Evropeiskaia restavratsionnaia mysl' v 1940–1980-e gody: Posobie dlia izucheniiia teorii arkhitekturnoi restavratsii* (The Thought of European Restoration in 1940–1980s: Handbook for Study of the Theory of Architectural Restoration). Moscow, Rokhos Publ., 2003. 96 p. (in Russian).

Shchenkov A. S. (ed.). *Pamiatniki arkhitektury v Sovetskom Soiuze: Ocherki istorii arkhitekturnoi restavratsii* (The Monuments of Architecture in Soviet Union: Essays of the History of Architectural Restoration). Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 2004. 696 p. (in Russian).

Илл. 39. Ани. Западный участок
Смбатовых стен, конца X–XIII вв.
Фото А. Ю. Казаряна, 2015

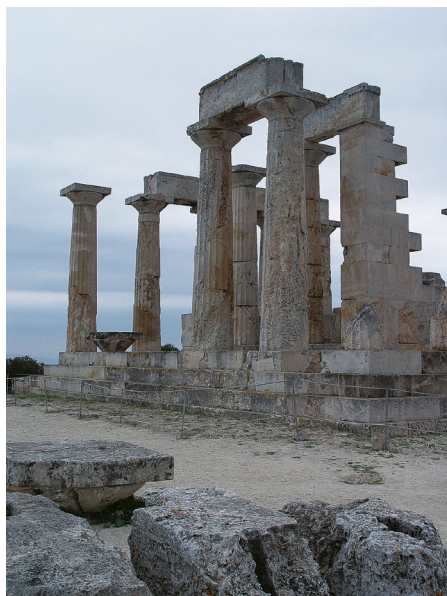
Илл. 40. Ани. Фото
А. Ю. Казаряна, 2015

Илл. 41. Церковь VII в. монастыря Дзагаванк до
реставрации, Армения. Фото А. Ю. Казаряна, 2009

Илл. 42. Церковь монастыря Дзагаванк после
реставрации. Фото А. Ю. Казаряна, 2014

Илл. 43. Остров Эгина, храм Афайи, около 500 г. до н.э. Фото А. Ю. Казаряна, 2004

Илл. 44. Пальмира, портал храма Бэла, 32 г. н.э. Фото А. Ю. Казаряна, 2003

Илл. 45. Ани. Церковь Сурб Пркич (Спасителя), 1035 г. Фото А. Ю. Казаряна, 2007

Илл. 46. Ани. Церковь Сурб Пркич (Спасителя) в ходе консервации руины. Фото А. Ю. Казаряна, 2017